

Вся история России сделана казаками.

Л. Толстой

Одни воевали, другие писали историю.

Орбини

(Заметки по случаю 400-летия окончания первой русской смуты, ввиду явно некомпетентного и тенденциозного освещения во многих СМИ одного из событий Смутного Времени – изгнания интервентов из Москвы в 1612 году).

Можно только посмеяться над заявлением по государственному телеканалу о том, что праздник Народного единения назначен на 4 ноября, поскольку в этот день Минин и Пожарский вошли в Москву. На самом деле ополчение выступило из Троицы 18 августа (28 – го по новому стилю), 22 – го числа приняло в Москве бой с отрядом литовского гетмана Хоткевича (см. кн. Смутное Время польского историка К. Валишевского, изданную в 1911 году).

Об этом бое – несколько позже, сейчас запомним только национальность руководителя отряда, потому как в одной из телепрограмм утверждалось на полном «сурьезе», что в рядах ополченцев шли литовцы – католики, что воевало ополчение не только против поляков, но и против казаков, что только Минину и Пожарскому обязана Москва освобождению от поляков. Причем не поправил такие утверждения видный историк, участник программы (вот уж воистину «бойся историков, служащих политикам», - как сказал один умный человек).

На самом деле интервенция Руси была польско–литовской и шведской. Литва и Польша в то время были одним Государством под названием Речь Посполитая. Причем окатоличены в Литовских землях были только верхи, ведь Брестская уния, утвердившая главенство Папы Римского, была принята только в 1596 году. Еще после Смерти короля Батория (1584 г), бывшего на польском престоле шведа, посол московский пытался расположить литовских панов избрать московского государя на Великое Княжество Литовское отдельно от Польши. «Вы знаете, - говорил он по наказу своего правительства, - поляки веруют с христианами разное, а вы паны рада литовская и вся земля литовская с нашею землею одной веры и одного обычая» (Николай Костомаров. Старый Спор) Так что не шли литовцы – католики в рядах земской рати.

Но самое злобное утверждение телебалаболов – о борьбе ополчения против казаков. В действительности именно казаки сыграли решающую роль в изгнании разноплеменных интервентов из Москвы и Руси.

Вот мнение признанных авторитетов.

Ключевский. ВТОРОЕ ОПОЛЧЕНИЕ...

«На призыв нижегородцев стали стекаться оставшиеся без дела и жалования, а часто и без поместий служилые люди, городовые дворяне и дети боярские, которым Минин нашел и вождя, князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Так составилось второе дворянское ополчение.

По боевым качествам оно не стояло выше первого, хотя было хорошо снаряжено благодаря обильной денежной казне, самоотверженно собранной посадскими людьми нижегородскими и других городов. Месяца четыре ополчение устроилось, с полгода двигалось к Москве, пополнялось по пути толпами служилых людей, просивших принять их на земское жалование.

Под Москвой стоял казацкий отряд кн. Трубецкого, остаток первого ополчения. Земская дворянская рать на предложение кн. Трубецкого отвечала: «отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». Но скоро стало видно, что без поддержки казаков ничего не сделать, и в три месяца стоянки под Москвой без них ничего важного не было сделано. В рати кн.

Пожарского числилось больше сорока начальных людей все с родовитыми служилыми именами, но только два человека сделали крупные дела, да и те были не служилые люди: это – монах А. Палицин и мясной торговец К. Минин. Первый по просьбе кн. Пожарского в решительную минуту уговорил казаков поддержать дворян, а второй выпросил у кн. Пожарского 3-4 роты и с ними сделал удачное нападение на малочисленный отряд гетмана Хоткевича, уже подбиравшегося к Кремлю со съестными припасами для голодавших там соотчичей. Смелый натиск Минина приободрил дворян-ополченцев, которые вынудили гетмана к отступлению, уже подготовленному казаками.

В октябре 1612 года казаки же взяли приступом Китай-город. Но земское ополчение не решилось штурмовать Кремль; сидевшая там горсть поляков сдалась сама, доведенная голодом до людоедства. Казацкие же атаманы, а не московские воеводы отбили от Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшегося к Москве, чтобы воротить ее в польские руки, и заставили его вернуться домой. Дворянское ополчение здесь еще раз показало в Смуту свою малопригодность к делу, которое было его сословным ремеслом и государственной обязанностью».

ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА...

«Вожди земского и казацкого ополчения князь Пожарский и Трубецкой (после ухода Сигизмунда «со срамом» из под Волоколамска в Смоленск, затем в Польшу, после чего московские воеводы оповестили грамотой от 21 декабря по всей земле об избавлении Москвы и приказали повсюду петь молебны и звонить в колокола на радости, что Москва освободилась от

польских и литовских людей, В.А.) разослали по всем городам повестки, призывающие в столицу духовные власти и выборных людей из всех чинов для земского собора и государского избрания. Памятники, близкие к тому времени, изображают ход этого дела на соборе не светлыми красками. Единомыслия не оказалось. Было большое волнение; каждый говорил за своего, одни предлагали того, другие этого, все разноречили. В самый разгар борьбы партий какой-то дворянин из Галича подал письменное мнение, что ближе всех по родству к прежним царям стоит М. Ф. Романов, а потому его и надобно выбрать в цари. Против Михаила были многие члены собора, хотя он давно считался кандидатом и на него указывал еще патриарх Гермоген, как на желательного преемника царя В. Шуйского. Мнение галицкого дворянина раздражило многих. Раздались сердитые голоса: кто принес такое писание, откуда? В это время из рядов выборных выделился донской атаман и, подошедши к столу, также положил на него писание. «Какое это писание ты подал, атаман?» - спросил его кн. Д.М. Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче», отвечал атаман.

Этот атаман будто бы и решил дело: «прочетше писание атаманское и быть у всех согласен и единомыслен совет» (из кн. Латкин В.Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация...СПБ, 1885) Изложенное выше по Курсу Русской Истории, который читал в Московском Университете профессор Ключевский, выделяется лаконизмом. Притом обращает на себя внимание, что приведенные разделы лекции (их название выделено заглавными буквами) отнюдь не посвящены казакам».

Для большей убедительности сошлемся на другие источники и поясним некоторые события, помянутые маститым ученым дореволюционной Руси.

Об «ОСТАТКАХ ПЕРВОГО ОПОЛЧЕНИЯ»...

Собралось оно в 1611 году по инициативе рязанца Ляпунова, к нему присоединились люди из Мурома и Суздаля, Вологды и Поморья, из Галича, Костромы и Нижнего Новгорода ... (Валишевский). В Москве вспыхнуло восстание, жестоко подавленное поляками и карателями наемника Маржерета, по одним данным – француза, по другим – немца, которые вернулись в Кремль, где с 1610 г сидели тайно приглашенные боярами поляки, обрызганные кровью русских людей «как мясники».

На улицах лежали неприбранными 7000 трупов. (Валишевский).

Москву интервенты спалили дотла. «Бояре, державшие сторону поляков, и теперь сильно настаивали, чтобы не оставить в столице бревна на бревне, чтобы не дать никоим образом оправиться неприятелю короля польского».

В такой обстановке, после гибели Ляпунова первое ополчение в результате внутренних противоречий распалось.

Лишь казаки Трубецкого остались под Москвой.

В отличие от «хорошо снаряженного» второго ополчения казаки были босы и голы, однако «когда бывшие тушинцы... (сторонники Лжедмитрия II, В.А.) пытались использовать голод и нужду рядовых казаков, чтобы составить заговор против Пожарского, Троице-Сергиев монастырь использовал все свое влияние, чтобы покончить с волнениями в таборах ополчения. Денежная казна монастыря истощилась, и монахам ничего не оставалось, как приняться за гардероб. Из тайников извлекли драгоценные ризы, аккуратно сложили их в повозки и отвезли в таборы. Там посланцы монастыря...предложили ратникам принять от них вещи в виде залога. Как только монастырь соберет оброки со своих крестьян, заявили монахи, они тотчас выкупят залог за тысячу рублей. Атаманы собрали Круг, постановивший немедленно вернуть вещи в монастырскую казну. Нужда православного люда была жестокой, но торговля церковными вещами представлялась им недопустимым святотатством.

В конце концов, ратники собрались в лагере под Москвой, чтобы защитить свою землю и свою веру. Два атамана выехали в Троицу с письмом к архимандриту. Казаки писали, что никакие скорби и многочисленные беды не заставят их отступить от Москвы. (Р.Г. Скрынников. Святители и власти)...

Об ОТРЯДЕ ГЕТМАНА ХОДКЕВИЧА...

«Босые, оборванные с оружием в руках летели казаки и призывали имя св. Сергия...Тогда Минин сказал Пожарскому: «Князь, дай мне войска, я пойду»... По почину Минина московские люди бросились на Замоскворечье. В полдень казаки достигли литовского обоза, отрезали и захватили 400 возов с запасами. Ходкевич приказал отходить, спасти остаток возов», (и ушел в Литву, В.А), (Николай Костомаров. Смутное время Московского государства).

О ВЗЯТИИ КИТАЙ-ГОРОДА и сдаче вражеского гарнизона Кремля...

«22 октября (1 ноября н.ст., В.А.) полковник Струсь (комендант кремлевского гарнизона В.А.) начал переговоры с Пожарским о сдаче Кремля. Русские требовали безоговорочной капитуляции, рыцарство домогалось различных уступок. Когда требования поляков стали известны казакам и ратным людям, казаки потеряли терпение. Они ударили в колокола и, поднявши хоругви, бросились на штурм Китай – города. На этот раз удача

сопутствовала им. Наемники дрогнули перед их яростью. Одни были убиты на месте, другие, те, кому достало сил, успели укрыться в Кремле.

Поражение окончательно подорвало моральный дух гарнизона... 26 октября 1612 года Струсь выслал из Кремля членов семибоярщины (русских изменников, В.А.). На другой день земские воеводы приняли капитуляцию от вражеского гарнизона» (Скрынников).

Получается, что 27-е, 6 ноября н. ст. – это дата главного события в Москве?

Об этих же событиях - Валишевский.

«22 октября казаки Трубецкого взяли приступом Китай-город... 26 октября поляки сдались... На другой день (23-го) два крестных хода – один из церкви Казанской божьей матери, а другой – от Ивана Великого, отряды ополченцев и казаков сошлись на Лобном Месте (Кр. Площади), где архимандрит Троицкой лавры отслужил благодарственный молебен; сюда же крестным ходом прибыло духовенство, неся с собою икону Владимирской божьей матери. При виде этой неоцененной иконы, которую считали погибшей, изрубленной поляками, все множество народа зарыдало. Затем войско и народ вошли в священную ограду Кремля, из которой удалось, наконец изгнать поляков, - и радость сменилась скорбью перед раздирающим душу зрелищем: разрушенные и оскверненные церкви, поруганные и обезображенные иконы, а в подвалах склады внушающей ужас провизии: омерзительное крошево, в котором изображение кое – кого из москвичей рисовало себе части тела друга или родственника!»

О роли казачества в выборе на царство Михаила Романова.

Костомаров.

«Казаки, составившие главную военную силу, кричали, что не допустят иного царя, кроме Михаила Федоровича».

Скрынников.

«Выступление казаков и вооруженного народа подтолкнуло выборы, положив конец расколу собора и распрям, которым не видно было конца... Литовский канцлер Лев Сапега бросил в лицо пленному Филарету (будущему патриарху) такую фразу: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки – донцы».

Валишевский.

«...установившееся предание упорно настаивает на том, что товарищи Трубецкого имели очень важное, даже преобладающее влияние на соборе; поляки называли Михаила их избранником, и даже в 1614 году

шведский генерал Горн писал новгородцам, что и тогда казаки распоряжались в Москве как хозяева».

Еще коснусь утвердившегося постулата боярско – дворянской версии истории Смуты (см. эпиграф) о том, что якобы подвиги Пожарского и Минина были недостаточно вознаграждены. Вот мнение по этому вопросу Николая Костомарова (кн. Смутное время Московского государства) «Дмитрий Михайлович Пожарский был пожалован боярином, Минин получил звание думного дворянина. Но более их и более всех был награжден Дмитрий Тимофеевич Трубецкой...получил от великого земского собора вотчину Вагу, богатую область, которая некогда была у Годуновых и Шуйских. И государь, еще не твердый в своей власти, утвердил ее за ним в награду за его великие подвиги и пользу, оказанные земле русской».

Говоря о роли казаков в преодолении русской смуты, нельзя не сказать о Гермогене (Ермогене), казанском архиепископе, затем Патриархе. Видный советский историк Р. Скрынников пишет. «Поляк А. Гонсевский, хорошо знавший патриарха, имел письменное свидетельство одного московского священника, по словам которого Гермоген пребывал в казаках донских, а потом – попом в Казани. Как видно, молодость свою Ермолай (Ермоген) провел с вольными казаками, в походах и войнах...»

Прокопий Ляпунов (вождь первого ополчения. В.А.) писал, что идет на очищение Москвы «по благословлению святейшего Ермогена». Ранее Гермоген яростно противился вступлению иноземных войск в Москву, еще раньше решительно осудил помолвку Дмитрия (Лжедмитрия I) с Мариной Мнишек и требовал повторного крещения «польской девки», за что был отослан в Казань и там заключен в монастырь. В феврале 1611 года нижегородцы писали «приказывал к нам святейший Ермоген патриарх, чтоб нам, собрався с окольными и поволскими города, однолично идти на польских и литовских людей к Москве вскоре».

После мартовского восстания москвичей Гермогена обвинили в «великия смута» по умыслению, изгнали с престола и приставили стражу в 30 человек, заключив в один из московских монастырей. В августе 1611- го направил в Нижний Новгород грамоту, своего рода завещание. Когда в январе 1612 г. Минин и Пожарский известили города, что они намерены начать поход, поляки потребовали от патриарха задержать наступление. Узник «рече им: да будут те благословлении, которые идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные московские изменники будьте прокляты». Гермогена перевели в подземную тюрьму Чудова монастыря, где «уморише его гладною смертию... лето 7120 (1612) году, месяца февраля в 17 день». Гермоген умер, не поступившись своими принципами. Таков был столп Православной Веры – из донских казаков.

Выдающаяся роль патриарха в преодолении Смуты становится особенно очевидной, если вспомнить, что в то время, как Государство Московское стало показывать признаки разложения «...на Руси крепче государства была другая соединяющая связь – вера. Псковец, новгородец, русский казанец, сибиряк, казак – все чувствовали одинаково, что они православные все люди одной русской веры, принадлежат одной церкви. Даже казаки малорусские, вообще чуждые Московскому государству (южнорусские земли тогда принадлежали полякам. В.А.), на этом вопросе чувствовали свое с ним соединение и становились в ряды его защитников». (Костомаров).

Справедливости ради следует сказать, что часть казаков поддерживала «воров» (самозванцев). Но, во-первых, следует учитывать обстановку. Если в Лжедмитрии I признала своего сына Марфа Нагая, вдова Ивана Грозного, если от Лжедмитрия II принял патриаршество Федор (Филарет) Романов, отец будущего царя, если Владиславу, сыну короля Сигизмунда присягнули, как русскому царю, князья, бояре и дворяне, то следует ли с высоты нынешних знаний осуждать некоторые отряды казаков.

Во-вторых, вернувшись к злонамеренному, либо невежественному заявлению из телеящика о якобы имевшей место борьбе ополчения с казаками, следует сразу сказать, что военные столкновения русских воинов с казаками были только после избрания Михаила на царство, когда несколько сот казаков под водительством Заруцкого упорствовали в стремлении посадить на русский престол «воренка» - сына Марины. Что касается периода изгнания поляков из Москвы, то были разногласия между ополченцами и казаками, о некоторых из них сказано выше, однако до вооруженных столкновений дело никогда не доходило.

Будучи потомственным казаком, автор не мог пройти мимо умолчания роли казаков в преодолении Первой Русской Смуты.

Думаю, когда **Л. Толстой утверждал: «Вся история России сделана казаками»**, он имел в виду в том числе и их самоотверженную борьбу с польско-литовскими, шведскими, прочими интервентами времен Смуты.

Талантливейший русский писатель **Кавад Раш утверждает: «казаки вырастали перед врагом всюду, где русским угрожали полон, грабеж, рабство, истязания».**

Так было в Первую Смуту, так будет всегда.

Войсковой старшина Союза Казаков России Абросимов В. А.

Пресс-служба Союза казаков России